

Вернувшись на следующий день к полю битвы, они обнаружили лишь воронов, клюющих мертвецов.

С высоты казалось, будто в землю врезался метеорит — настолько масштабными были разрушения. Брат отчётливо помнил ту ночь; воспоминания накатывали обжигающими вспышками, являя лица тех, кого он сжёг, покалечил и убил. Они преследовали его до сих пор. Он тряхнул головой, отгоняя видения — нельзя позволить этому тяготить разум и сердце. Он сделал то, что должен был. Ради сестры.

Рядом взревела Рэйт, явно гордясь увиденным. Он хотел отчитать её, но передумал. Пусть празднует победу, если желает.

Он опустил голову и начал снижаться, сестра следовала по пятам. Приземлившись, они сполна ощутили истинную бойню, разыгравшуюся здесь. Тела устилали землю, деревья дымились от тлеющего огня, целые участки почвы вывернуло наизнанку. Его передёрнуло — вот она, подлинная мощь дракона, не только пламя, но и физическая сила.

Он принялся осматривать заинтересовавшие его предметы. Сначала подошёл к громадной клетке, которую люди соорудили для их поимки. Провёл когтем по холодной стали, оценивая толщину. Затем двинулся к разбросанным то тут, то там телам, всмотрелся в их лица. Кто-то молод, кто-то стар — разглядывая их так близко, он вспомнил своё лицо, то, что носил так давно.

Дискомфорт накатил волной — ведь это были люди. У них имелись жизни, стремления, желания, возможно, семьи. Теперь они никогда не вернуться к родным. Из размышлений его вырвал тычок сестры.

Её мурлыканье напоминало львиное, только куда более гортанное. Он ответил тем же. Их отношения изменились после нападения на деревню много недель назад — там, где прежде она доминировала как старшая сестра, теперь они стали почти равны.

Казалось, она жаждала его внимания больше прежнего. К счастью, эта привязанность оставалась платонической.

Звук рассекаемого крыльями воздуха привлёк их внимание к матери, спускавшейся из логова. Её золотистые глаза осматривали их и окрестности, готовые заметить любую угрозу. После событий прошлой ночи он стал ценить Мераксес куда больше прежнего — впервые в своей короткой новой жизни он увидел в ней истинную мать и защитницу. Такова была общая тенденция.

С каждым днём он всё больше сближался со своей драконьей сущностью. То, что казалось странным и необычным, становилось нормальным и обыденным. Даже полёты превратились в привычную часть жизни — если раньше он с трепетом взирал на землю и её обитателей, теперь искал новое и жаждал увидеть больше, чем показал ему этот остров.

Возможно, время покинуть гнездо приближалось.

Он посмотрел на сестру, понимая — когда придёт пора оставить гнездо и мать, он возьмёт её с собой. Он больше не боялся её или её намерений, зная — когда будет готов путешествовать по миру, пролетая над великими океанами, горами, реками, ручьями и озёрами, он захочет видеть её рядом.

Он подошёл и толкнул её, как она обычно делала с ним. Они начали бороться и возиться, и из его пасти вырвался звук, похожий на смех. Драконы могли общаться между собой, но настоящий язык от него ускользал — он пытался произносить слова из прошлой жизни, то, что знал как английский, но выходило лишь подобие собачьего лая.

Мать говорила, что существует язык, который они понимают от природы — валирийский. Его разум всегда путался, пытаясь осмыслить языки. В прошлой жизни он был билингом; если бы удалось восстановить способность говорить на человеческих языках, он мог бы достичь многого. Английский, испанский, драконий и валирийский — только представьте: дракон-полиглот.

От этой мысли он рассмеялся.

Но затем задумался.

«Если я верну способность к настоящей речи, какие ограничения будут на меня наложены? Стану ли ещё ценнее? Дракон, способный общаться, а главное — выражать свои чувства и мысли... Будут ли относиться ко мне как к остальным?»

Мысль о всаднике тревожила его, а идея быть использованным как инструмент вызывала гнев.

«Если уж иметь всадника, пусть он будет бескорыстным и справедливым, добрым и невинным. Пусть будет умным и честным».

Разве не сказал однажды мудрый робот, что свобода — право всех разумных существ? Всадник должен учитывать его мнение, причём не только его, но и всех драконов.

Он гадал, спрашивали ли когда-нибудь мнение Балериона — может ли он лететь туда или сюда, согласен ли сжечь сотни людей. Он надеялся получить возможность поговорить с ним — было бы здорово пообщаться со старейшим из живых драконов.

Но пока это могло подождать — он слишком занят погоней за сестрой. С земли Мераксес наблюдала за игрой детей, носившихся в воздухе и пытавшихся поймать друг друга.

Идиллию нарушил рёв. Они с сестрой повернулись в сторону звука, доносившегося от Драконьей Горы. Спустились на землю, где мать уже рычала, занимая позицию между ними и

далёким рёвом. Прогремел ещё один рык, затем два, один за другим — там было два дракона.

Он напряжённо ждал, и ожидание оправдалось.

Из вулканических облаков над Драконьей Горой появился самый огромный дракон, которого ему доводилось видеть — несомненно, Балерион. Чёрный Ужас взревел так громко, что захотелось заткнуть уши. Сестра храбро ответила своим писклявым рыком — какая глупость.

Следом за ним показался дракон поменьше, мельче матери. Отсюда было не разглядеть, но окрас казался бронзовым — скорее всего, Вхагар. Драконы пересекли вулкан, заметили их и ринулись вниз. При виде приближающегося Балериона первобытный страх сжал сердце. Он позвал сестру, призывая взлетать. Нужно бежать.

Они рванули ввысь и помчались в противоположную сторону.

«Возможно, если уйдём достаточно далеко над водой, они прекратят погоню» — подумал он.

Сестра держалась прямо над ним; их маленькие крылья работали на пределе возможностей. Оглянувшись, он увидел, как мать взмыла в воздух, устремляясь прямо к Балериону — на миг ему показалось, что Мераксес вступит в схватку с гигантом, и в этой картине он представил, как её разрывают на части. Но этого не произошло.

Вместо этого Мераксес заняла позицию перед Чёрным Ужасом, преграждая путь. Когда Вхагар пролетел мимо неё, устремляясь к ним, он понял — драконы не ищут боя, они охотятся за ними.

Вхагар издал призывный клич, но они не остановились, продолжая ускоряться. Тут он заметил — на драконах были всадники. На спине Вхагара сидели две женщины в доспехах: одна с серебряной косой, другая с распущенными волосами, в алом плаще.

Как ни пытались они лететь быстрее, всё оказалось тщетно — Вхагар настиг их в мгновение ока, бронзовый зверь накренился влево, вынуждая их сместиться в том же направлении.

«Нас загоняют» — осознал он.

Благодаря усилиям Вхагара они теперь летели в обратном направлении, возвращаясь к Драконьей Горе.

Сверху мелькнула тень. С силой тысячи тонн Мераксес врезалась в бронзового дракона, и они закружились в воздухе, прежде чем восстановить равновесие — тщетная попытка матери освободить детей. Тщетная, потому что в тот момент, когда Вхагар отступил, на них обрушилась ещё более грозная аура Балериона.

— Будьте благоразумны, малыши, — произнёс он голосом, от которого любой король позеленел бы от зависти. — Следуйте за мной.

Теперь уже не сбежать — он признал поражение. Сестра не желала подчиниться, звала его вырваться и бежать с ней, но он отказался и остался на месте. После секундного колебания она последовала его примеру. Позади них Вхагар и Мераксес приземлились, заключённые в борьбе, и Рейнис медленно начала успокаивать их мать.

Огибая Драконью Гору и глядя на далёкий силуэт величественного замка, выстроенного в форме множества драконов, он гадал, что ждёт их впереди.

<http://tl.rulate.ru/book/122444/5156697>